

УДК 13(04)(045)
DOI 10.22213/2618-9763-2023-2-85-91

Г. М. Тихонов, доктор философских наук, профессор
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ОДИНОЧЕСТВА ЭММАНУЭЛЯ ЛЕВИНАСА (по материалам зарубежных исследований)

В статье затрагивается тема феноменологического подхода к исследованию одиночества выдающегося французского философа Э. Левинаса. Раскрывается смысл феноменологического метода в изучении этого феномена. Основное содержание статьи составляет анализ уникальности переживания одиночества с феноменологической точки зрения. Вводится понятие трансформационной феноменологии. Констатируется, что в философии Э. Левинаса одиночество оказывается основной категорией бытия. Как переживание лишения чего-либо, оно демонстрирует большую близость к амбивалентному переживанию чуждости. Кульминацией этого является радикальная чуждость смерти, в которой экзистенциальность одиночества проявляется особенно отчетливо. Подчеркивается, что трагедия одиночества – это окончательное проявление акцентированного на себе эго, запертого в плену собственной идентичности, эго замкнутости на себе. Поэтому для Э. Левинаса важно открыть для людей новые смыслы, в которых они могут противостоять собственному одиночеству и даже его культивировать. Это важно также и потому, что в способности быть одиноким с самим собой заключается предпосылка полноценной общности. Делается вывод о необходимости принятия человеком своего одиночества.

Ключевые слова: феноменология; отчуждение; одиночество; смерть; трансформация.

Введение

Чтобы понять феномен одиночества и при этом не упускать из виду, что одиночество не только причиняет боль, но и может быть полезным и целительным, необходимо более глубокое описание того, что люди испытывают, когда им одиноко. Одиночество – это переживание, связанное с тоской по осмысленным отношениям. Его можно описать, чтобы понять, как оно проявляется. Это именно то, чего хочет феноменология одиночества.

Феноменология спрашивает о сущности одиночества. Она стремится заглянуть глубже и дальше, чем натурализм с его поверхностным восприятием реальности. Феноменология не пытается объяснить что-либо полностью или окончательно. Скорее, речь идет о том, чтобы установить отношения с феноменом в состоянии зарождения, познакомиться с ним как можно ближе и в то же время занять позицию некоторой сознательной отстраненности, воздержанности от самого себя. Эта воздержанность означает, прежде всего, установку, возникающую в результате феноменологиче-

ской редукции. Особенность ее заключается в том, что появляется возможность сохранить одиночество в некотором смысле «в скобках» и «работать» с ним на расстоянии [1].

Цель работы – раскрыть специфику феноменологического подхода к одиночеству в творчестве Э. Левинаса и его актуальность для сегодняшнего поколения исследователей. Учитывая амбивалентную природу одиночества, показать его изначально противоречивый характер и многоликость, которые оборачиваются то саморазрушением и подавлением личности, то ее творческим и свободным началом.

Феноменологический метод в изучении одиночества

Феноменология описывает направленность сознания на предметы в том виде, в каком они проявляются в определенных обстоятельствах, т. е. так, как они ощущаются, звучат, имеют вкус или запах. Речь идет о восприятии предмета, которое придает предметам смысл. Мы воспринимаем нечто, как нечто истинное, т. е. обладающее

смыслом. Смысл предмета уже явлен сознанию. Так, например, мы воспринимаем одиночество не как одиночество как таковое, а как одиночество в определенном смысле. И это должно быть зафиксировано и описано. Интенциональность означает, что субъект участвует в процессе познания и вносит в предмет определенные смыслы. Задача феноменологии как раз и заключается в том, чтобы увидеть те «смыслы сознания», которые человек вносит в предмет, и отделить их от собственно самих предметов, находящихся вне его. В этой связи говорят о «трансформационной феноменологии», которая предполагает работу над собственным опытом и которая изменяет его. Эта работа демонстрирует, что субъект «не может быть просто принят в качестве ориентира, но он сам должен дополнять и отражать возникновение себя и мира как зависимого явления» [2].

Трансформационная феноменология активно обращается к зонам отчуждения, индивидуальным и социальным табу и в целом – ко всему маргинальному. Она предпринимает многочисленные попытки озвучить разнообразие и неоднозначность жизненного опыта. Тем самым она становится рупором одиноких людей, которые, описывая свой опыт одиночества, работают над ним, при этом сближая себя и мир, и учатся быть вместе. Использование языка может помочь открыть горизонты жизненного опыта, в которых одиночество начинает быть доступным для воздействия. Оно теряет свою темную силу, когда о нем говорят. Феноменология имеет дело с жизненным опытом, в котором есть и страдание, и страсть, и разочарование. Переживание одиночества часто внезапно обрушивается на человека, неся с собой тоску и боль. Вопрос, который имеет значение, заключается в том, как человек отвечает на это страдание. Феноменология может помочь в этом, считал известный французский ученый Э. Левинас.

Э. Левинас об онтологических корнях одиночества

В своей работе «Время и Другой» он понимает одиночество как «основную катего-

рию бытия» и уделяет ей много внимания. Вместо того, чтобы выводить одиночество только из логики противопоставления коллективности или совместного бытия, он хотел бы «вернуться к онтологическим корням одиночества» [3]. Конечно, Левинас прав, когда не принимает одиночество в дуалистическом ключе, отделяющем его от общности. Поскольку одиночество отличается от уединения, оно может быть наиболее безжалостным тогда, когда оно укореняется в межличностных пространствах. Это происходит тогда, когда человек испытывает одиночество в семье, на работе или толпе людей, не устраняя свой эгоизм. Неслучайно известные консультанты в области семейных отношений утверждают, что вопрос, который больше всего волнует, когда речь заходит о любви и семье, – это одиночество [4].

Подобно тому, как Левинас пишет об одиночестве, немецкий ученый Вальденфельс подчеркивает, что с «другим» нельзя справиться ни подчинением ему и овладением им посредством присвоения, ни путем подчинения ему себя и тем самым отчуждением самого себя. Скорее, это достигается за счет «отзывчивости» к нему, а не за счет того, что человек подчиняется ему и овладевает им посредством присвоения. Гораздо важнее практиковать эту отзывчивость и входить в наполненное напряжением промежуточное пространство, преодолевая одиночество при встрече с другим. Равнодушие, напротив, сродни разрушающему одиночеству. «В таких случаях возникает угроза катастрофической реакции, наполненной тревогой, или, наоборот, апатии» [5]. Другое всегда уже есть в нас самих. Это измерение нашего «внутреннего запредельного» остается для нас непостижимым. Однако бегство от этого дискомфорта и страха остаться наедине с самим собой – бесполезная попытка, если только человек не культивирует одиночество, в котором он может жить в общности с самим собой. В бегстве собственное я становится своего рода транзитной зоной, определенным местом, где я живу одиноко и отчужденно от самого себя [6].

Не каждый, кто один – одинок. Одиночество – это опыт лишения. Вот почему одинокий человек часто не хочет оставаться один. Это болезненный опыт отсутствия присутствия, когда нечто показывает себя, в чем оно ускользает от человека. Подобно шипу, одиночество пронзает душу и плоть, и человек не в состоянии избежать или предотвратить его. Трагедия одиночества – это окончательное проявление акцентированного на себе эго, которое оказывается прикованным к месту своего существования, словно пленник на одиноком острове. Одиночество трагично не потому, что связано с отсутствием другого, пустотой, а потому, что оно заперто в плену собственной идентичности. Эта пустота является результатом тотальности замкнутости на себе.

Размышляя об «онтологических корнях одиночества», Левинас надеется выяснить, как его преодолеть. При этом преодоление не является ни «познанием», ни «экстазом». Потому что в первом случае объект будет захвачен субъектом, а во втором случае – субъект объектом. Скорее, для Левинаса важны отношения «лицом к лицу», которые не заставляют другого исчезнуть, но именно благодаря его экзистенциальности позволяют индивиду выйти из себя и избавить его от одиночества [7].

Жизни без одиночества не существует, и его переживание является уникальным. Мы заперты в своем собственном теле, в своей истории, в своем языке, в своих истоках, и, в то же время, все это может быть мостом к чужому духу, к определенному прорыву. Левинас обращает внимание на то, что одиночество является результатом неразрывного единства между бытийствующим и бытием (что, кстати, противоречит хайдеггеровскому постулату онтологического различия). Субъект одинок, потому что он изначально один в своей субъективности, т. е. одиночество является экзистенциальной основой каждого человека и его уникальности и «не исходит из какой-либо предпосылки другого. Оно не является просто отсутствием ранее существовавших отношений с другим» [8].

Уникальность переживания одиночества

Одиночество никогда не существует само по себе, но только для того, кто переживает его совершенно уникальным образом. Оно вытекает из истории, далеко выходящей за пределы собственной, укорененной в прожитом времени, в особых культурных структурах и упорно гнездится в определенных местах, где одинокие собираются вместе и все же остаются одинокими. «Эти места обладают тремя признаками, – пишет Марк Ауге – идентичностью, относительностью и историчностью» [9]. Люди определяют себя через места, которые характеризуются, прежде всего, тем, что они создают не идентичности и не особые отношения, а «одиночество и сходство». Особенно впечатляющим примером этого является Фридрих Ницше, которого В. Шмид описывает как «мыслителя исключительного одиночества». Находясь в 1885 г. в центре города Ниццы, Ницше хотел погрузиться во «всю противоречивость одиночества своего времени». Он не хочет больше быть «господином профессором Ницше», у него «нет определенного места в мире, он не живет во времени, он больше ни с кем не общается и неизбежно только с самим собой» [10]. «Я больше не доверяю себе с тех пор, как захотел подняться», – говорит Ницше. «Со мной никто не разговаривает, мороз одиночества заставляет меня дрожать. Чего же я все-таки хочу на высоте? Мое презрение и тоска растут вместе; чем выше я поднимаюсь, тем больше презираю того, кто поднимается. Люди пытаются избежать одиночества, потому что неуверенность в том, что может выйти на поверхность из глубин нашего я в одиночестве, имеет в себе что-то тревожное, а иногда и пугающее для всех» [11].

Можно было бы подумать, что именно в этих местах люди вырываются за пределы своего эго и встречаются как «равные среди равных», но часто бывает наоборот. Опасаясь одинокой безлюдности, в которой их не поймут, они запираются за искусственными стенами, которые называют «домом». Хронически одинокие люди склонны воспринимать свое окружение

как угрозу. Человек одинок, прежде всего, в отношениях с самим собой. Суть одиночества – это отношение к самому себе. Одиноким человек одинок во всех своих стремлениях, во всех своих переживаниях и во всех страхах одиночества, даже тогда, когда он взмывает ввысь, к вершинам своих способностей в поисках признания – и при этом все больше и больше отдаляется от самого себя [12].

Анна Арендт объясняет, что только те, кто умеет жить с самим собой, могут жить и с другими. При этом она ссылается на Сократа, основателя диалога: «Сократ открыл, что можно вступать в контакт как с самим собой, так и с другими, и что оба типа контактов каким-то образом связаны между собой». Одиночество предполагает, прежде всего, то, что человек не выносит общности с самим собой и пытается убежать от него. Это оказывает (в основном негативное) влияние на жизнь с окружающими нас людьми. И наоборот, способность оставаться наедине с собой является «неотъемлемой частью того, чтобы быть вместе и жить вместе с другими» [13]. Блез Паскаль уже знал это. Более того, «...только те, кто может вынести одиночество, могут любить», – пишет У. Пошардт. Он продолжает: «Остальные прыгают от одной любви к другой. От одних отношений к другим. Опасаясь одиночества, любовь для многих кажется длинной рекой. В любви они любят чувство любви больше, чем любимого человека. В любви возлюбленный – лишь средство для достижения цели». Никто не может избежать одиночества, цепляясь за других или заявляя, что он с ними. Вы не можете «делать» или требовать единения, вы должны практиковать его с самим собой [14].

Феномен одиночества – это способ переживания и существования, с помощью которого живут люди. Он показывает, что одиночество – амбивалентное переживание, колеблющееся между крайностями тихого отчаяния и свободного дыхания: один человек не может с ним бороться, другой его страстно ищет. Время одиночества может быть жестоко долгим или слишком коротким. Оно может сужать и перекрывать нам дыхание или открывать новые простран-

ва. Одиночество может быть тихим и пустым, а может громко заявить о себе, оно может истощить нас и дать новые силы. Одиночество может быть постыдным или гордым и даже героическим. Оно может внезапно накрыть нас, и мы можем долго искать его. Это тень, которую мы боимся или в которой прячемся.

Одиночество – это не только отчаяние и признание, но сила, гордость и уверенность, считает и Левинас. Потому что уникальность человеческого бытия раскрывается в одиночестве, которое невозможно преодолеть. Тот факт, что я никогда не смогу до конца понять другого человека (и даже самого себя), вызывает непонимание, конфликты и переживания боли, но также устанавливает неприкосновенное достоинство человека. Переживание одиночества разрушает человеческий эгоизм, потому что недоступность другого показывает мне мои пределы. Ибо другой предстает передо мной в своей инаковости и уникальности [15].

Однако нужно быть очень осторожным, восхваляя одиночество как открытие нового отношения к жизни, потому что в качестве положительного опыта одиночество – это привилегия. Как переживание боли, одиночество – это табу, тема страха и стыда, о которых люди не говорят, и поэтому становятся еще более одинокими. У одиночества два лица: нежелательное и желанное одиночество. И даже желанное одиночество не всегда оказывается тем, что желали в суете будней.

«Часто воображаешь, что освободился от рутины, – писал Монтень, – а между тем только принял другую. Недостаточно удалиться от общения с людьми, потому что еще надо освободиться от того, что в нас обыденно; надо изолировать себя от самого себя и тем самым прийти к себе. Так что не каждый способен победить одиночество... В конце концов, мы обычно берем с собой наши цепи, и мы не будем полностью свободны, пока мы все еще оглядываемся назад, на то, от чего мы отказались» [16].

Насколько экзистенциально важны для человека и одиночество, и общность, ясно

видно из исследования Ф. Римана, посвященного основным формам страха [17]. Человеческая жизнь подчиняется антиномически структурированным, полярным противоположностям близости и дистанцирования, которые создают поле напряженности между крайностями страха одиночества, с одной стороны, и подавляющей общностью – с другой.

Способность к одиночеству заключается не только в том, чтобы выдержать это напряжение противоречий, но и в том, чтобы сознательно культивировать его, чтобы не скатиться ни в одну, ни в другую крайность. Потому что оба полюса переплетаются: только тот, кто может быть наедине с самим собой, может взаимодействовать с другими, и только тот, кто внутренне здоров, может использовать одиночество как источник силы и вдохновения для себя.

«Одиночество не страшно, когда на него смотришь», – цитирует Штольц-Ингенлат изречение туарегов, живущих в пустыне [18]. Именно негостеприимная пустыня олицетворяет одинокую встречу с самим собой. Это место, где можно встретить одиночество и ответить на него. В этой встрече незаметно зарождается «культура способности к одиночеству», которая дает нам прочную опору, необходимую для того, чтобы отважиться на неожиданную встречу с другим. Здесь проявляется своеобразный парадокс, заключающийся в том, что уникальность другого освобождает меня от моей «самости», хотя в то же время она указывает на мое одиночество. Быть человеком – это быть одиноким друг с другом.

В этом смысле Карл Ясперс пишет: «Быть самим собой – значит быть одиноким, но таким образом, что в одиночестве я еще не являюсь самим собой; ибо одиночество – это сознание готовности к возможному существованию, которое становится реальным только в общении. Я не могу стать самим собой, не вступив в общение, и не могу вступить в общение, не будучи одиноким. Это также означает, что я не могу заставить другого положить конец моему одиночеству – впрочем, как и он тоже.

Я могу сделать это только сам, отвечая на свое и его одиночество. Я должен хотеть одиночества, если я осмеливаюсь быть самим собой и вступать в тесное общение» [19]. Наверное, можно утверждать, что способность к одиночеству говорит об эмоциональной зрелости человека.

Одиночество и смерть

Еще одним элементом, связанным с одиночеством является смерть. Для Левинаса смерть – это самое радикальное переживание одиночества, которое невозможно постичь диалектически. Смерть остается загадкой, пограничной зоной сопричастности. Смерть разъединяет, ее уже нельзя отличить от чего-либо. В этом разъединении проявляется радикальная чуждость, которая экзистенциально обуславливает одиночество [20].

Смыслы одиночества ограничены смертью как радикальным иным как таковым. Смерть лишает наше эго способности действовать, тем самым разрушая идентичность одиночества. Здесь проявляется особая форма культивирования способности к одиночеству как *ars moriendi* (как искусство умирания). Смерть оказывается «испытанием на способность оставаться в одиночестве». К этому можно добавить высказывание Бордта: «Даже когда мы осознаем наше экзистенциальное одиночество, как нашу собственную смертность: именно это одиночество может придать нашей жизни глубину. Глубина – и творчество, вырастающее из уникальности собственной жизни» [21].

Выводы

Можно сделать вывод, что одиночество человека можно понимать только в терминах его субъективного восприятия. Именно субъективная способность человека – его внутренняя система отсчета – помогает постигать смыслы действительности. Причина одиночества находится внутри индивида, в феноменологических несоответствиях его представлений о собственном «Я», когда социум вынуждает индивида действовать с ограничивающими его свободу образцами, что ведет к противоречию между истинным

«Я» и проявлением «Я» в отношениях с другими людьми. Одиночество здесь проявляется как слабая приспособляемость личности. Левинас как раз и показывает, как в отношении с другим происходит прорыв замкнутого в себе одиночества, подлинной трансцендентности, которая больше не является возвращением к самой себе. Речь идет о новых смыслах, в которых люди переживают неуловимую диахронию друг друга, бесконечное расстояние, являющееся в то же время близостью. Время одинокого эго становится временем синхронии, т. е. бытием лицом к лицу, разорванным временным отношением к другому, его несоответствием. Это означает, что встреча происходит в intersубъективных отношениях, «во времени себя и времени другого», мы одиноки и в то же время вместе. Таким образом, проблема одиночества заключается не в том, чтобы избавиться от него, а в том, чтобы его принять.

Библиографические ссылки

1. Schellhammer B. Eine phänomenologische Annäherung an die Erfahrung der Einsamkeit // Internationale Zeitschrift für Philosophie und Psychosomatik / Herausgeber : Wolfgang Eirund und Joachim Heil. 2018. № 2. S. 1–11.
2. Lerch E.-M. Ganz Allein // Publik-Forum. 2018. № 8. S. 43–45.
3. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg: Felix Meiner. 2003. S. 18–27.
4. Westheimer R. Sigmund Freud hätte meine Kurse besuchen müssen // Süddeutsche Zeitung Magazin / Interview von Tobias Winstel. 8.6.2018. S. 25–29.
5. Waldenfels B. Sozialität und Alterität. Modi sozialer Erfahrung. Berlin : Suhrkamp, 2015. S. 150.
6. Waldenfels B. Topographie des Fremden // Studien zur Phänomenologie des Fremden 1. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1997. S. 27.
7. Lévinas E. Totalität und Unendlichkeit. Versuch über die Exteriorität. Freiburg, München : Karl Alber, 2003. S. 19–24.
8. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg : Felix Meiner, 2003. S. 29.
9. Augé M. Nicht-Orte (4. Auflage). München : C. H. Beck, 2014. S. 59.
10. Schmid W. Mit sich selbst befreundet sein. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2004. S. 279.

11. Nietzsche F. Kritische Studienausgabe / Hrsg. Colli, Giorgio, Montinari, Mazzino, 1999. Bd. 4. S. 52.

12. Bordt M. Die Kunst sich selbst auszuhalten. Ein Weg zur inneren Freiheit (2. Auflage). 2013. S. 11–27.

13. Arendt H. Das Leben des Geistes. Teil 1 // Denken. München : Piper, 1989. S. 81.

14. Poschardt U. Einsamkeit. Die Entdeckung eines Lebensgefühls. München : Piper, 2006. S. 184.

15. Lévinas E. Totalität und Unendlichkeit. Versuch über die Exteriorität. Freiburg, München : Karl Alber, 2003. S. 18.

16. de Montaigne M. Die Essais. Köln : Ananconda, 2005. S. 129.

17. Riemann F. Grundformen der Angst. Eine tiefenpsychologische Studie (13. Auflage). München, Basel : Ernst Reinhardt Verlag, 1978. 244 s.

18. Stotz-Ingenlath G. Einsamkeit als Stachel. Anschauungen eines Phänomens // Wege zum Menschen, 2005. № 57 (4). S. 309–321.

19. Jaspers K. Philosophie. Existenzhellung. (3. Auflage). Berlin, Göttingen, Heidelberg : Springer. 1956. S. 61.

20. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg : Felix Meiner, 2003. S. 31.

21. Wenzler L. Nachwort. Zeit als Nähe des Abwesenden // Lévinas, Emmanuel: Die Zeit und der Andere. Hamburg : Felix Meiner, 2003. S. 67–92.

References

1. Schellhammer B. Eine phänomenologische Annäherung an die Erfahrung der Einsamkeit. Internationale Zeitschrift für Philosophie und Psychosomatik. Herausgeber, Wolfgang Eirund und Joachim Heil, 2018, № 2, s. 1-11.
2. Lerch E.-M. Ganz Allein. Publik-Forum, 2018, № 8, s. 43-45.
3. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg, Felix Meiner, 2003, s. 18-27.
4. Westheimer R. Sigmund Freud hätte meine Kurse besuchen müssen. Süddeutsche Zeitung Magazin. Interview von Tobias Winstel, 8.6.2018, s. 25-29.
5. Waldenfels B. Sozialität und Alterität. Modi sozialer Erfahrung. Berlin, Suhrkamp, 2015, s.150.
6. Waldenfels B. Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden 1. Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1997, s. 27.
7. Lévinas E. Totalität und Unendlichkeit. Versuch über die Exteriorität. Freiburg, München, Karl Alber, 2003, s.19-24.
8. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg, Felix Meiner, 2003, s. 29.

9. Augé M. Nicht-Orte (4. Auflage). München, C.H. Beck, 2014, s. 59.
10. Schmid W. Mit sich selbst befreundet sein. Frankfurt a.M., Suhrkamp, 2004, s. 279.
11. Nietzsche F. Kritische Studienausgabe. Hrsg. Colli, Giorgio, Montinari, Mazzino, 1999, bd. 4, s. 52.
12. Bordt M. Die Kunst sich selbst auszuhalten. Ein Weg zur inneren Freiheit (2. Auflage), 2013, s. 11-27.
13. Arendt H. Das Leben des Geistes. Teil 1. Denken. München, Piper, 1989, s. 81.
14. Poschardt U. Einsamkeit. Die Entdeckung eines Lebensgefühls. München, Piper, 2006, s. 184.
15. Lévinas E. Totalität und Unendlichkeit. Versuch über die Exteriotität. Freiburg, München, Karl Alber, 2003, s. 18.
16. de Montaigne M. Die Essais. Köln, Anaconda, 2005, s. 129.
17. Riemann F. Grundformen der Angst. Eine tiefenpsychologische Studie (13. Auflage). München, Basel, Ernst Reinhardt Verlag, 1978, 244 s.
18. Stotz-Ingenlath G. Einsamkeit als Stachel. Anschauungen eines Phänomens. Wege zum Menschen, 2005, № 57 (4), s. 309-321.
19. Jaspers K. Philosophie. Existenzerhellung. (3. Auflage). Berlin, Göttingen, Heidelberg, Springer, 1956, s. 61.
20. Lévinas E. Die Zeit und der Andere. Hamburg, Felix Meiner, 2003, s. 31.
21. Wenzler L. Nachwort. Zeit als Nähe des Abwesenden. Lévinas, Emmanuel: Die Zeit und der Andere. Hamburg, Felix Meiner, 2003, s. 67-92.

G. M. Tikhonov, Doctor of Philosophy, Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF LONELINESS BY EMMANUEL LEVINAS (by the materials of foreign studies)

The article touches upon the theme of the phenomenological approach to the study of loneliness by the outstanding French philosopher E. Levinas. The meaning of the phenomenological method in the study of this phenomenon is revealed. The main content of the article is the analysis of the uniqueness of the experience of loneliness from a phenomenological point of view. The concept of transformational phenomenology is introduced. It is stated that in the philosophy of E. Levinas loneliness is the main category of being. As an experience of deprivation of something, it shows a great proximity to the ambivalent experience of alienation. This culminates in the radical alienation of death, in which the existentiality of loneliness is especially pronounced. It is emphasized that the tragedy of loneliness is the final manifestation of an ego accentuated on itself, locked in captivity of its own identity, its isolation on itself. Therefore, it is important for E. Levinas to discover new meanings for people in which they can resist their own loneliness and even cultivate it. This is important, because the ability to be alone with yourself is the prerequisite for a full community. In conclusion, a conclusion is made about the need for a person to accept his loneliness.

Keywords: phenomenology; strangeness; loneliness; death; transformation.

Получена: 24.03.2022
ГРНТИ 02.15.51

Образец цитирования

Тихонов Г. М. Феноменологический подход в изучении одиночества Эммануэля Левинаса (по материалам зарубежных исследований) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. Т. 19, № 2. С. 85–91. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-85-91

For Citation

Tikhonov G.M. [Phenomenological approach to the study of loneliness by Emmanuel Levinas (by the materials of foreign studies)]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 85-91 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-85-91